М. Ю. ОСОКИН

КОМИЧЕСКИЙ ТЕАТР г-на ФОНВИЗИНА

«НЕДОРОСЛЬ»: КОММЕНТАРИЙ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2020

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)
О 75

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 20-112-00047, не подлежит продаже

Осокин М. Ю.
О 75 Комический театр г-на Фонвизина. «Недоросль»: комментарий. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 560 с.

ISBN 978-5-907290-27-3

Книга представляет собою построчный комментарий к «Недорослю» (1782) — лучшей комедии Д. И. Фонвизина (1745–1792) и самой известной российской пьесе XVIII века. Основное внимание уделяется сатирическому и комедиографическому контекстам, источникам и заимствованиям («плагиатам» Фонвизина), историко-культурным аспектам интерпретации текста и языку. Издание приурочено к 275-летнему юбилею со дня рождения писателя.

УДК 801.161.1
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-907290-27-3
9 785907 290273 >

© М. Ю. Осокин, 2020
© Издательский Дом ЯСК, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 5

Краткая хронология «Недоросля» 7

Недоросль, комедия в пяти действиях 23

Комментарий 136

Библиография 517

Посвящаю матери,
Нине Дмитриевне Осокиной

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Первоначальный замысел состоял просто в том, чтобы создать свод интерпретаций «Недоросля» (далее — *Н*) Д. И. Фонвизина (далее — Ф.), выбравшись из непременного круга вторичных источников, в том числе ввести в оборот неопубликованные диссертации (Берловская 1944; Гомон 1949; Князькова 1950; Cameron 1970; Боярская 1978). Быстро выяснилось, что этого мало: текст изучен неравномерно, часто просто пересказывается, а трактовки повторяются, иногда слово в слово и без ссылок. Поэтому изложение чужих концепций было сокращено, расширены наблюдения над «плагиатами» Ф. (вновь установленные источники, в частности (Stanisław Leszczyński 1763; Bouhours 1692; Д'Аламбер, Башилов 1769; Жокур, Башилов 1769), показывают, что оригинальность Стародумовых речей стремится к нулю), умножено число параллелей и типологических сближений с современными ему комедиями и сатирами. Основной задачей комментария было опрокинуть пьесу в предшествующую комедийную и сатирическую традицию, на фоне которой только и можно понять, в чем состоит новаторство драматурга. Комедиографический контекст позволил спрямить некоторые «перегибы» и «уклоны», в которые изучение пьесы было заведено несколькими влиятельными концепциями.

Во-первых, это ревизия В. О. Ключевского, который объявил, что герои *Н* «слишком засмеяны» (Ключевский 1896: 7–9), извлек их из комедийного окружения и предъявил как страшную иллюстрацию отсутствия нравственного воспитания в эпоху правления Екатерины II. После «Опыта историческаго объяснения учебной пьесы», раскрывшего комедию в одном этом аспекте, возобладало мнение, что «глубоко ошибаются те, кто говорит о “веселом *Недо-*

росле". Такой комедии нет» (Кулакова 1969: 51), и появился тезис, что после Ф. «трагичность комедии стала одной из национальных особенностей русской драматургии» (Пигарев 1954: 273).

Во-вторых, — и на эту ревизию работала почти вся советская фонвизинистика — понимание пьесы как антикрепостнической и антиправительственной, направленной против «двуличия» екатерининской политики. Не оспоривая положение о «голосе фрондирующей панинской группы» (Берловская 1944: 121), я пытался показать, что в *Н*, написанном по следам екатерининской сатиры, не только не задето крепостное право, но и казавшаяся резкой «сатира на злонравие» дворянства отыграна назад и снята мольеровско-хольбергианским сюжетом об играющих в дворян лжедворянах.

В-третьих, тезис о реализме Ф., возникший еще в XIX в. (Майков 1867: 229), когда старую комедию, за исключением шедевров, уже прочно забыли, а изучать еще не начинали, и принятый за аксиому в СССР. Споры о «методе» Ф. здесь обойдены так далеко, как только можно (о «неоклассицистичности» *Н* par excellence см., например, Karlinsky 1985: 160), обращаться даже к их истории теперь — анахронизм.

Театральные постановки — отдельная и обширная тема, внимание им уделено в тех случаях и той степени, в каких они были состоятельной альтернативой филологическим трактовкам или их отражением и продолжением. *Н* разложен на фрагменты, из комментариев к которым видны степень разработки и направление дальнейшей работы, в том числе по идентификации источников. Чтобы книга была полезна школьникам и студентам, я оставил в комментируемых местах часть экскурсов в историю изучения комедии и ряд характеристик и замечаний, которые покажутся самоочевидными и потому излишними, но могут пригодиться тем, кто захочет войти в текст и разобраться в нем с порога, например перед экзаменом. В цитируемых источниках сохраняется оригинальная орфография и пунктуация.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ «НЕДОРОСЛЯ»

В хронологии не берется в расчет теория «раннего Недоросля» (далее — «тверской *Н*»), согласно которой начало работы над комедией надо датировать 1764 годом и которую разделяли в том числе обычно проницательные (Savoj 1933; Всеволодский-Гернгросс 1960а; Karlinsky 1985: 159, note 18). (Берловская 1944: 65–73), доказывая, что эта «версия» *Н* должна была предшествовать «Бригадиру» (1769), не решилась ее выбросить из логики эволюции Ф. как лишнее звено. Теория опровергнута (Пигарев 1954: 206); сомнения в авторстве высказывали Л. С. Гордон и Ф. Б. Элиашберг в 1960-е гг., А. Х. Кэмерон (Cameron 1970: 53–54) и др.; атетезу (отведение авторства Ф.), итог дискуссиям и литературу вопроса см. (Рак 2003; 2008: 359–407). Работе над *Н* предшествовала десятилетняя пауза, во время которой Ф., секретарь президента Коллегии иностранных дел Н. И. Панина, печатает мало, «почти ничего»: «В 1771 г. он выступил с одной печатной речью-статьей <…> После 1771—1772 гг. Фонвизин молчит около пяти лет. Затем, в 1777 г., он выступает с переводом «Слова похвального Марку Аврелию» Тома, одного из французских просветителей <...> в 1779 г. — с двумя не очень большими переводами <...> Это были годы активной политической жизни, годы Пугачевского восстания, затем — годы реакции правительства и широких замыслов группы Панина» (Гуковский 1947: 169, 171). Тут опущено заглавие «Слова на выздоровление... Павла Петровича» (1771), хотя его необходимо упомянуть, поскольку «высокое заступничество наследника» сыграет роль в получении письменного дозволения от правительства представлять на театре *Н*, встретившего цензурные затруднения (Языков 1882: 140–141). Была попытка заполнить эту паузу, объяснявшуюся «каторжной» службой в Коллегии (Берков 1947: 45), атрибуцией Ф. «Писем к Фалалею» (1772) из «Живописца» Н. Новикова (Иванова, Романкова 1994). В конце 1774 г. Ф. женился на вдове Катерине Ивановне Хлоповой (урожд. Роговиковой), которая

прежде была замужем за А. А. Хлоповым, адъютантом гр. Захара Григорьевича Чернышева (Ф. был петербургским соседом Хлопова, знал супругов как минимум с 1768 г. и помогал отсудить приданое Роговиковой у опекунов); (Люстров 2013: 152) связывал снижение писательской активности с этой женитьбой.

1777—1778 Ф. около полутора лет провел за границей, в основном на юге Франции, куда поехал лечить жену от глистов, и в Париже. Результатом стали галлофобские «Письма из Франции», в которых основательно обобрана книга Шарля Пино Дюкло «Размышление о нравах сего века» (*Considérations sur les moeurs de ce siècle*, 1749): «В письмах его многия из наблюдений о нравах Французов, и в особенности те, которыя отзываются истиною и глубокомыслием, не его. Таить нечего: в письмах своих он несколько кривил совестью пред графом Паниным, выдавая ему за свои заключения, выписки из книги Дюкло: “Considerations sur les moeurs de ce siecle”; кривил совестью вместе с тем и пред Дюкло, заимствуя из него обличительныя указания на современников и утаивая то, что говорил он в пользу их» (Вяземский 1848: 135, свод параллелей: Там же: 135–137).

1778, осень Ф. возвращается в Россию, и, как предполагается, начинает работу над *Н*. Считается, что он «работал над комедией около трех лет» (Кулакова 1966: 90).

1779, 5 мая Именным императорским указом, данным правительствующему Сенату, надворный советник Ф. по представлению Коллегии иностранных дел пожалован в канцелярии советники (Московския ведомости [далее всюду — МВ]. 1779. № 49. В субботу, июня 15 дня, 1779 года. С. 3) при Секретной экспедиции.

11 июля В письме М. Н. Муравьева к Д. И. Хвостову из Петербурга в Москву, датированном этим числом, встречается предположительно первое известное упоминание о *Н*: «Денис Иванович пишет комедию с великим успехом, как говорит Иван Афанасьевич <Дмитревской>; но я не знаю еще ее содержания» (ИРЛИ РАН. Ф. 322, № 59. Л. 45,

цит.: Берков 1947: 87; Пигарев 1954: 151). К. Пигарев допускал, что речь может идти о другой неизвестной пьесе, позже оно станет считаться «первым упоминанием» о *Н*, с уточнением, что «возможно, здесь имелся в виду вариант пьесы, известный во фрагментарном пересказе И.-Х. Рихтера» (Кочеткова 2010: 312), и будет принято за точку отсчета его творческой истории.

октябрь Осенью 1779 г. М. Н. Муравьев пишет стихотворное послание к Д. И. Хвостову («Успех твой первый возвещая…») по поводу его комедии «Легковерный», представленной 4 октября 1779 г.: «Комедии пространно поле, / Где новых тысячи цветов / Ты можешь собирать на воле / С своею Музою, Хвостов. / У нас теперь один Фонвизин, / Который солью острых слов / И меткой силой укоризен / Срывает маску с шалунов» (Муравьев 1967: 183). Полагали, что Муравьев мог иметь в виду не только «Бригадира», но и *Н*. Однако «Легковерный» (1779), как выяснилось, когда И. Виницкий (2017) нашел текст этой неизданной комедии, — пьеса простая и незатейливая, далее же в послании упомянут творец «Оракула» и «Граций» Ж. Ф. де Сен-Фуа, комедий, написанных в рокайльной традиции, которой ближе скорее «Бригадир». В конце года в Петербурге открылся театр Карла Книпера, который с начала 1780 г. возглавил И. А. Дмитриевский. В этом театре вскоре состоится постановка *Н*.

31 августа 1780 Французский дипломат шевалье М. Корберон в письмах на родину упоминает о лени и праздности Н. И. Панина, который не имеет других занятий, как бывать при дворе и разузнавать, что там происходит, и его помощников, в том числе канцелярии советника Ф.: «Его главные чиновники работают не больше его и проводят время за карточной игрой, проигрывая невероятно много, до шести сот рублей в вечер. Это случается с Визиным, советником канцелярии, с Марковым, статским советником, не имеющим никакого состояния, с Бакуниным и т. д. Алопеус, единственный, котораго я вижу за работою живущаго сообразно своим средствам» (Корберон 1911: 192–193).

1781, май Муравьев навестил Ф. (ИРЛИ РАН, разр. II, оп. 1, № 261, л. 48, цит.: Кочеткова 2010: 312) и, вероятно, слушал читку комедии или ее фрагментов. Известно, что Ф. играл на скрипке и был членом Музыкального клуба, где встречался с Муравьевым.

конец 1781 Работа над *Н* предположительно завершена (Пигарев 1954: 151), и в **январе 1782 г.** Ф. начинает хлопотать о постановке в Петербурге.

1782, 11 мая Луи Пикар, бывший гувернер князя А. Б. Куракина, пишет ему за границу о петербургских новостях, и упоминает, что Ф. читал *Н* «в некоторых частных обществах» (Пикар 1878: 52).

Май Постановка «новой комедии» ожидалась в мае (Бараг 1940б: 12). Пикар в письме к князю А. Б. Куракину **28 мая** упоминает, что в Петербурге премьера не состоится, и автор едет ставить ее в Москву: «Мы не увидим здесь новую комедию господина Фонвизина под названием “Недоросль”, на что мы прежде надеялись, потому что актеры не знают своих ролей и не в состоянии сыграть ее в назначенное время. Автор уезжает через несколько дней в Москву и, говорят, поставит свою комедию на московском театре; при настоящем недостатке в удовольствиях и театрах это действительно лишение для публики, которая уже давно отдает должную справедливость превосходному таланту господина Фонвизина» (Пикар 1878: 60). «Пикар мог разуметь или Большой театр в новом Зимнем дворце, или Большой (Каменный) театр в Петербурге, в Коломне, указ о сооружении которого относился еще к 1773 г. Театр этот должен был открыться в юбилейные дни Екатерины II (двадцатилетию царствования в 1782 г. — *М. О.*), но открылся лишь в 1783 г. На сцену этого театра правительство вообще не допускало “Недоросля” до самой смерти Екатерины, и он шел, как правило, на “малом”, “деревянном” театре, т. е. на театре б. Книпера; поэтому можно думать, что “Недоросль” не прочился и на сцену Большого театра в Зимнем дворце» (Всеволодский-Гернгросс 1960а: 52). Премьера на сцене Большого придворного театра в Петербурге сорвалась из-за неподготовленности актеров и гонений на *Н*, о которых Д. И. Хвостов

упоминал в сатире «К разуму»: «Когда покажется ума печатный плод, / По лавкам бегает за книгою народ, / Завистник бесится, творение ругает, / Однако никому читать не помешает. / Лишь *Недоросля* нам Фон-Визин написал, / Надменнин Автора из-подтишка кусал; / Тут стрелы злобныя отвсюду полетели, / Комедию играть Актеры не хотели; / Когдажь неистовый неправды глас умолк, / Все зрители, забыв недоученых толк, / Все с восхищением увидели обнову, / И Стародумова глазами Простякову» (Хвостов 1820: 252–253), с примечанием: «*Недоросль* Фон-Визина вытерпел большое гонение, что известно современникам и театральной архиве» (Хвостов 1820: 258). *Надменнин* — предположительно, А. А. Вяземский (Степанов 1986: 218).

лето Для московской постановки пришлось получать «письменное дозволение» от правительства. «Московская цензура, в лице профессора Х. А. Чеботарева постаралась задержать комедию и вычеркнуть «опасныя строки»» (Языков 1882: 141–142). Это стало известно из письма Ф. к содержателю театра М. Медоксу, написанного уже в сентябре после представления: «Брат мой, я надеюсь, передал вам, любезный Медокс, известный пакет и объяснил принятое мною решение для уничтожения толков, возбужденных упорством вашего ценсора. Продолжительное ваше молчание слишком ясно доказывает мне неуспех ваших стараний, чтобы получить позволение. Я положил конец интриге, и кажется тем достаточно доказал прямое согласие на представление моей пиесы; потому что 24 числа сего месяца придворные актеры ея императорскаго величества играли ее на публичном театре по письменному дозволению от правительства. Успех был полный. Безконечно желая вам добра, оставляю вам мою пиесу, но требую от вас честнаго слова непременно сохранить мой аноним, с условием — никому не давать моей комедии и ни под каким видом не выпускать ее из ваших рук, ибо не хочу еще давать ей публичности. Весь ваш. — Вы можете уверить господина ценсора, что во всей моей пиесе, а следовательно и в местах, которыя его так напугали, не изменено ни одного слога» (Афанасьев 1859: 8). Сохранилось свидетельство П. Арапова о чтении *Н* до постановки

в доме бывшего чиновника, руководившего почтамтами Москвы Б. В. Пестеля: «Перед тем, как “Недоросль” был назначен к представлению в бенефис Дмитревскаго, Фон-Визин должен был его читать у Бориса Владимировича Пестеля, бывшаго московскаго почт-директора. Большое общество литераторов и знатоков съехалось к обеду; любопытство гостей было так велико, что хозяин упросил автора, который был сам прекрасный актер прочитать хоть одну сцену, безотлагательно; он исполнил общее желание; но когда остановился после объяснения Простаковой с портным Тришкою, об укороченном кафтане Митрофана, присутствовавшие так были заинтересованы, что просили продолжать чтение; несколько раз приносили и уносили кушанье со стола, и не прежде сели за обед, как комедия была прочитана до конца, а после обеда Дмитревский, по общему требованию, должен был опять читать ее сначала» (Арапов 1896: 111). Арапов ссылался на сына Б. В. Пестеля («Сын его, Ив. Бор. Пестель, сам разсказывал составителю сего обзора»), который в 1882 г. стал помощником постдиректора; сведения о визите Ф. в Москву летом 1782 г. (Всеволодский-Гернгросс 1960а: 77–78) полагал недостоверными, кроме того, публичные читки не согласуются с желанием «сохранить аноним».

20 сентября Комедия анонсирована в прибавлении к № 75 «Санкт-Петербургских ведомостей»: «В следующую субботу в театре, что на Царицыном лугу, представлена будет придворная комедия…»

24 сентября Премьера состоялась в Петербурге в Вольном общедоступном театре К. Книппера в бенефис И. Дмитревского, исполнявшего роль Стародума: «Представлена в первой раз в Санкт-Петербурге, Сентября 24 дня 1782 года, на счет перваго придворнаго актера г. Дмитриевского, в которое время несравненно театр был наполнен, и публика аплодировала пиесу метанием кошельков. Характер Мамы играл бывшей придворной актер г. Шумской к несравненному удовольствию зрителей. Сия комедия, наполненная замысловатыми изражениями и множеством действующих лиц, где каждой в своем характере изречения<ми> различается, заслужила внимание от публики» (ДС 1787: 88–89).

«В первое представление славной комедии Недоросль, которую Денис Иванович Фон-Физин подарил для бенефиса Ивану Афанасьевичу Дмитревскому, выходившему тогда на пенсион, публика, в нетерпении видеть новое произведение Российскаго Молльера (так! — *М. О.*), шумела, топала ногами, чтобы скорее начинали. Известный актер <И>. Я. Соколов, который был великой проказник, вынул часы свои — необыкновенной величины, и видя, что не наступило еще определенное время, выставил их в скважину, находившуюся в переднем занавесе, дабы убедить публику, что рано требуют начала спектакля. По окончании пиэсы, зрители бросили на сцену Г. Дмитревскому кошелек, наполненный золотом и серебром, что тогда было не новость. Г. Дмитревский, подняв его, говорил речь к зрителям, не приготовясь, в которой благодарил публику и прощался с нею» (Материалы 1840: 20). «При этом представлении театр был полон и публика аплодировала с метанием кошельков, обычай, который для артистов был много приятнее нынешняго метания цветов. Недаром тот век слыл золотым веком» (Арапов 1861: 110). Значение *Н* оценили уже первые зрители, например, Пикар, называвший его «лучшей из русских театральных пьес в комическом духе». Присутствовавший на спектакле Н. М. Карамзин отметил внимание публики к «серьезным сценам» (Греч 1840: 121). Ф. участвовал в постановке и распределении ролей. С первой постановки *Н* до смерти драматурга пройдет около 10 лет, в течение которых он сделается, по выражению И. Рихтера, любимой пьесой русского зрителя.

1782, 7 марта Ф. подал на имя Екатерины прошение об увольнении со службы, ссылаясь на сильные головные боли (недуг, который он унаследовал от матери). Через три дня императрица подписала указ об отставке.

1782 — 1783 Пишется «Рассуждение о непременных государственных законах» (т. наз. «завещание Панина Павлу I»). Ф. обратился за помощью к Н. И. Панину, который склонил своего бывшего ученика, цесаревича Павла «ходатайствовать пред императрицей о пропуске» пьесы (Языков 1882: 140).

1783, 30 января и 10 мая

Н играется в Петербурге как придворный спектакль. Пимен Арапов в «Летописи русского театра», пользуясь, как считается, не дошедшими до нас (в т. ч. устными) источниками, сообщает, что *Н* «сильно уязвил порок и невежество и обратил на себя негодование придворных» (Арапов 1861: 110, цит. также: Гуковский 1947: 178). Легенда о фразе Г. А. Потемкина, якобы сказанной им после первого представления *Н* в Петербурге, — «Умри теперь, Денис, или больше ничего уже не пиши; имя твое бессмертно будет по этой одной пиесе» — впервые была печатно изложена И. Дмитревским: Друг просвещения. 1805, сентябрь. С. 250, об истории афоризма: Катаев 1969) и затем неоднократно опровергалась: когда давалась премьера, Потемкина не было в Петербурге (он был в Херсонесе и вернулся только во второй половине июля 1786 г.). Особенно Ф. старались развести с Потемкиным советские литературоведы. Теперь, когда нужда в этом отпала, можно допустить, что Потемкин прочел самую репертуарную комедию 1780-х и публично о ней отзовался. Ф. был знаком с Потемкиным, в 1774 г. Екатерина просит Потемкина о встрече и «ревнует» его к Ф.: «Сто лет, как я тебя не видала; как хочеш, но очисти горница, как прииду из комедии, чтоб приити могла, а то ден несносен будет и так вед грусен проходил; черт Фонвизина к вам привел. Дабро, душенка, он забавнее меня знатно; однако я тебя люблю, а он, кроме себя, никого» (РГАДА. Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 233; цит.: Эйдельман 1989: 108; Екатерина, Потемкин 1997: № 275; ревность тут — понятная им двоим шутка, Екатерина почасту упрекала Потемкина, что он занят с другими и не уделяет ей достаточно времени, см. письма от 2 августа 1775, от 20 сентября 1779 и др.). В 1786 г. в дневнике Ф. рассказал историю о мальчике, который вселил его на постоялый двор в Киеве со словами «Отворяй, родня Потемкина», умолчав, что перед этим наверняка похвастался знакомством с екатеринским соправителем. П. Н. Берков (1947: 86–87) предположил, что фраза сказана до представления, и что Потемкин, а не парализованный П. Панин исхлопотал разрешение на постановку. Выходит первое издание *Н* с указанием: «Продается у Клостермана, против адмиралтейства, в доме мещан скаго клоба». Оно имеется в двух вариантах

(во втором — исправлены некоторые опечатки и добавлены выпавшие по недосмотру при наборе слова).

14 мая *Н* впервые поставлен в Москве, лучшим актером признается Андрей Гаврилович Ожогин (1746–1814), исполнивший роль Еремеевны (МВ. 1783. № 38; Языков 1882: 139). Как следует из письма Ф. к Медоксу, спектакль игрался по тому же тексту, что и петербургский.

17 мая *Н* повторно играется в театре Медокса. Вероятно, об этом спектакле Д. П. Горчаков пишет из Москвы в Петербург Д. И. Хвостову, сообщая **28 мая** о «здешних новостях»: «Из ваших петербургских стран, / Приехал к нам Денис тиран, / Однако же не сиракузский; / А чисто наш мучитель русский. Он здесь многое бранит, его многие не слушают; итак, все разошлися по своим. Здесь был игран “Недоросль” и принят, как должно недорослю. Может быть оттого, что здесь народ простой, и всякую вещь принимает по ее имени, не в состоянии будучи догадаться, что она хороша» (Горчаков 1989: 122–123). Знаменитому сиракузскому тирану Дионисию Старшему было пророчество, что он умрет, когда победит сильнейших, что, согласно Диодору Сицилийскому, относилось не к врагам, как он думал, а к соперникам-драматургам: тиран умер после попойки на радостях от присужденной ему награды за сочиненную трагедию. Возможно, фраза «Умри, Денис…», уже существовала, была изначально связана с этой легендой (Степанов 1986: 227, прим. 65) и, следовательно, сказана иронически, а позже, когда ее вложили в уста Потемкина, стала звучать как цитата из «Тускуланских бесед» Цицерона (I, 110–111), где спартанец подходит к старику олимпионика Диагора, сыновья которого одержали победы в Олимпии, и поздравляет его со словами: «Умри, Диагор, ведь на небо тебе не взойти» (Зельченко 2000: 280).

27 мая *Н* еще раз играется в Петербурге. И. Ф. Богданович пишет эпиграмму «От зрителя комедии *Недоросля*» (**3.3.1**). В **мае** же начал выходить журнал «Собеседник любителей российского слова» под редакцией княгини Е. Р. Дашковой и под контролем Екатерины, где участвуют почти все крупные писатели конца XVIII в., в том числе Ф. (в ч. I, IV, X печатается его сатирический «Опыт российского сословника»). Начинается